**Православное духовенство и паства приходов Обского Севера:
экономический аспект взаимоотношений (XVIII – начало XX в)**

В. В. Цысь

*Нижневартковский государственный университет,
г. Нижневартовск, Российская Федерация,
tsysv@rambler.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. В статье отмечено, что принявшие христианство обские угры в течение всего синодального периода (XVIII – начало XX вв.) вступали во взаимодействие с православным духовенством по широкому кругу вопросов, включая хозяйственную деятельность. Изучение этого взаимодействия позволяет охарактеризовать факторы, влиявшие на материальное положение, занятия коренного населения Тобольского Севера, его традиционную культуру в целом.

Цель: охарактеризовать формы, специфику и результаты хозяйственных взаимоотношений между православным духовенством и обскими уграми в синодальный период (XVIII – начало XX вв.).

Материалы исследования: переписка, рапорты, отчёты настоятелей, благочинных, епархиальных архиереев, а также публикации в периодической печати о взаимоотношениях православного духовенства с обскими уграми по вопросам хозяйственной деятельности.

Результаты и научная новизна. Проведённое исследование показало, что священно- и церковнослужители способствовали вовлечению обских угров в товарно-денежные отношения, интенсификации промысловой деятельности, связанной с необходимостью обеспечения церковных нужд. Преобладало не прямое, а косвенное воздействие православного духовенства на новокрещённых, эволюционировавшее от эксплуатации в основном за счёт неэквивалентной торговли и различных сборов к стремлению использовать потенциал Русской православной церкви для распространения среди «отсталых», как тогда считалось, народов Тобольского Севера русской культуры, в том числе, и новых хозяйственных занятий. В статье впервые в отечественной историографии показана эволюция форм, специфика и результаты хозяйственных взаимоотношений между православным духовенством и обскими уграми в синодальный период.

Ключевые слова: Тобольский Север, обские угры, остяки, вогулы, православное духовенство, «иногородцы», новокрещённые, Тобольская епархия.

Для цитирования: Цысь В. В. Влияние православного духовенства на хозяйственную деятельность обских угров в синодальный период // Вестник угроведения. 2021. Т. 11. № 1. С. 178–186.

**Orthodox clergy and flock of parishes of the Ob North:
the economic aspect of relations (XVIII – early XX centuries)**

V. V. Tsys

*Nizhnevartovsk State University,
Nizhnevartovsk, Russian Federation,
tsysv@rambler.ru*

ABSTRACT

Introduction: the article notes that the Ob Ugrians who converted to Christianity throughout the synodic period (XVIII – early XX centuries) interacted with the Orthodox clergy on a wide range of problems, including economic activity. The study of this interaction allows characterizing the factors that influenced the financial situation, occupations of the indigenous population of the Tobolsk North, and traditional culture in general.

Objective: to characterize the forms, specifics and results of economic relations between the Orthodox clergy and the Ob Ugrians in the synodic period (XVIII – early XX centuries).

Research materials: correspondence, accounts, reports of archpriests, heads of dioceses, diocesan bishops, as well as publications in periodicals about the interaction of the Orthodox clergy with the Ob Ugrians on economic issues.

Results and novelty of the research: the study has shown that the clergy promoted the involvement of the Ob Ugrians in goods-money relations and the intensification of economic activities related to the need to provide for church needs. It was not the direct, but the indirect influence of the Orthodox clergy on the newly baptized. This influence evolved from exploitation mainly due to non-equivalent trade and various fees to the desire to use the potential of the Russian Orthodox

Church to spread Russian culture and new economic activities among the «backward» peoples (as it was then considered) of the Tobolsk North. For the first time in Russian historiography, the evolution of forms, the specifics and results of economic relations between the Orthodox clergy and the Ob Ugrians in the synodic period are shown.

Key words: Tobolsk North, Ob Ugrians, Ostyaks, Voguls, Orthodox clergy, adherents of a different faith, newly baptized, Tobolsk diocese.

For citation: Tsys V. V. Orthodox clergy and flock of parishes of the Ob North: the economic aspect of relations (XVIII – early XX centuries) // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2021; 11 (1): 178–186.

Введение

Русская православная церковь играла исключительно важную роль в процессах освоения и дальнейшего развития севера Западной Сибири. Храм не только формировал вокруг себя особое сакральное пространство, но и становился центром общественной жизни. Через него происходило приобщение коренного населения к ценностям православной (шире, русской) культуры. Формы, каналы и результаты этого воздействия следует признать важной научной проблемой, позволяющей понять, как особенности освоения отдалённых от центра периферийных регионов, так и проходившие в них в течение XVIII – начале XX вв. трансформационные процессы.

Изучение темы нашло отражение в ряде публикаций, посвящённых истории храмового строительства на Тобольском Севере [13], христианизации и влиянию православия на традиционную культуру обских угров [2: 6; 7; 8; 14], проблемам модернизации региона [10; 15]. В зарубежной историографии основное внимание уделяется взаимодействию православного духовенства со светской властью, различными социальными и этническими группами в контексте имперской политики по отношению к национальным меньшинствам [17; 19; 20; 21], а также анализу вопросов миссионерства в сравнительно-историческом ключе (см. напр. [18]).

На протяжении всего синодального периода большая часть приходов на Тобольском Севере относилась к «инородческим». За исключением Берёзова, Сургута, Самарова, некоторых селений в низовьях Иртыша основную массу жителей региона составляли обские угры. Так, в начале 1840-х гг. согласно «клировой ведомости о церквях Берёзовского духовного правления» в подавляющем большинстве приходов доля «ясачных остяков» в общей численности прихожан превы-

шала 85%: Обдорский (88%), Мало-Атлымский (89%), Чемашевский (92%), Юганский (94%), Ларьякский, Ваховский, Казымский, Леушинский, Сатыгинский, Кушеватский, Верхне-Лумпокольский (все – от 98 до 99%), Сосвинский, Болчаровский и Мужевской (все – 100%)¹. Русское православное население было представлено здесь, в лучшем случае, несколькими семьями. Приток на Тобольский Север русских и зырян во второй половине XIX – начале XX вв. мало повлиял на ситуацию в целом. Преобладание коренных жителей сохранялось в возникших позднее Нижне-Вартовском, Покурском и других приходах Берёзовского и Сургутского уездов.

Новокрещённые неизбежно должны были вступать во взаимодействие с причтом по широкому кругу вопросов, не ограниченному исключительно религиозными делами.

Материалы и методы

Основой для работы послужили материалы фонда Тобольской духовной консистории (Ф. И-156) ГУТО ГА в г. Тобольске, фонда Св. Синода (Ф. 796) РГИА: переписка, рапорты, отчёты настоятелей, благочинных, епархиальных архиереев, а также публикации в периодической печати, преимущественно в «Тобольских епархиальных ведомостях».

Используются как общенаучные, так и традиционные для любого исторического исследования методы: анализа, обобщения, сопоставительной типологии, рассмотрения вопросов в проблемно-хронологическом плане.

Результаты

Лишь первые, предназначенные для ново-крещённых «инородцев», храмы, появившиеся на Тобольском Севере в 1710-х – 1730-х гг., строились на государственные средства. В

¹ Подсчитано по: Государственный архив в г. Тобольске (ГА). Ф. И-156. Оп. 19. Д. 17. Л. 1–74, Д. 258. Л. 17 об, 22, 29 об–30.

дальнейшем остоякам и вогулам следовало самим заботиться об их содержании, обновлении или же постройке новых. Об этом свидетельствуют, в частности, «покорнейшие прошения» на имя преосвященного Павла (Конюсевича) о строительстве летом 1756 г. церкви Николая Чудотворца в Чемашевских юртах «собственным ясашных новокрещенных остояков коштом»², на имя преосвященного Варлаама (Петрова) от 31 января 1777 г. о сборе с прихожан священником юганской Богоявленской церкви «от христолюбивых подателей денег до трёхсот рублей» на построение нового храма взамен обветшавшего³, переписка о строительстве в начале 1770-х гг. ларьякской Знаменской церкви и др.

Содержание церковных зданий, как и самих священно- и церковнослужителей требовало немалых ресурсов, получить которые было неоткуда, кроме как от новокрещённых. В XVIII – начале XIX вв. жалование духовенство получало нерегулярно. В некоторых приходах, например, в ларьякском Знаменском, выделение средств из казны священно- и церковнослужителям вообще не предусматривалось. Рассчитывать же на значительные «доброхотные пожертвования» прихожан духовенству не приходилось. Как отмечалось в «представлении» в Св. Синоду архиепископа Георгия (Ящуржинского) от 19 сентября 1847 г., «Судя по местным особенностям, где означенные церкви находятся, оказывается для содержания причтов в тех местах очень недостаточным, особенно по Берёзовскому уезду, ибо прихожане остояки и вогулы (большей частью не оседло живущие...) пропитываются только от рыболовной и звериной промышленности, поэтому не могут содержать причт»⁴.

В условиях стеснённого материального положения, проживания в отдалённых от центров гражданского управления местах у некоторых настоятелей церквей мог возникнуть соблазн бесконтрольной эксплуатации вверенных их попечению остояков и вогулов.

Она производилась в нескольких основных формах. К первой следует отнести проведение

торговых операций. Уже в документах 1730-х гг., созданных спустя полтора десятилетия после начала массовой христианизации, содержатся указания на недопустимость личного обогащения священников за счёт «инородцев», т. к. «обретающиеся у новокрещённых духовные персоны от светских управителей имеют порицание яко бы они ездят к новокрещённым для торгов, а не для исполнения треб спасению человеческому служащих»⁵.

В XVIII – начале XIX вв. эта торговля носила меновый характер, где роль всеобщего эквивалента играла добываемая обскими уграми пушнина. Так, дьячок ларьякской Знаменской церкви Михаил Кайдалов и пономарь Василий Тверитин в ответ на обвинение в хлебной торговле писали, что «Вах река не очень рыбою довольна, отчего остояки каждогодно голодают,... почему... и просят нас из милости дать хлеба, и в прочих домашних нуждах во всем всего уделяем, и за то платят белкою» [4, 230]. Как следует из дела, в должниках священника числилось 39 человек. Можно предположить, что помощь священника прихожанам была небескорыстна, а в большей степени напоминала кредитную операцию. Часть долга, как следует из документов, была впоследствии с остояков взыскана.

В прошении о получении долговых денег вдовы священника Усольцова, умершего в конце декабря 1760 г., сообщалось, что «мой муж когда был жив роздал Юганских протчих волостей новокрещенным остоякам по прозьбе их собственного хлеба за неимением тогда в продаже казенного для пропитания чтоб з голоду не померли, а сколько имянно кому давано было тому значать оного моего мужа записки и под теми записками саморучные тех новокрещённых знамена»⁶.

Как отмечал позднее И. С. Шемановский, в 1810-х–1820-х гг. духовную и просветительскую деятельность протоиерей Иоанн Вергунов совмещал с торговлей сукном, холстом, чаем, сахаром, мёдом, солью, крупой, табаком, мехами, а иногда и водкой [16, 187].

Торговля считалась предосудительным для духовенства занятием и подвергалась критике,

² ГА. Ф. И-156. Оп. 2. Д. 245. Л. 2.

³ ГА. Ф. И-156. Оп. 3. Д. 16. Л. 2/

⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 128. Д. 1343. Л. 1 об.

⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 18. Д. 42. Л. 5.

⁶ ГА. Ф. И-156. Оп. 2. Д. 28. Л. 8.

как церковного, так и светского начальства. На этот счёт неоднократно принимались соответствующие документы (в 1780-х, 1790-х, 1810-х гг.), не имевшие, впрочем, никаких серьёзных последствий для священно- и церковнослужителей.

Пушнина также принималась от остяков и вогулов в качестве вознаграждения за требы, в основном за венчание. Как сообщал сургутский заказчик Н. Попов в феврале 1782 г., жители Ваха и Куль-Егана жаловались на священника Я. Кайдалова, что он берёт с них за венчание по 100 белок [1, 27]. (При стоимости белки в то время в 1–2 коп. речь могла идти, таким образом, об 1–2 руб. в переводе на денежный эквивалент. Впрочем, цена белки – одной из основных денежных единиц Тобольского Севера вплоть до начала XX в. – была подвержена колебаниям из-за лесных пожаров, опустошавших беличью кормовую базу, с тенденцией к возрастанию: от 2–5 коп. в начале XIX в. до 20–40 коп. в начале XX в.). [Подробнее, см.: 22].

В «доношении» ларьякской приходской общины от 24 декабря 1791 г. приводится ещё один случай: когда осенью 1788 г. остяк Прасин сосватал у другого «ясадного» Алексея Камина дочь, священник требовал за венчание 9 соболей, выдру и шкуру медведя, а весной следующего года дополнительно просил ещё 300 белок. Далеко не все имели возможность выделить столь значительные средства. Поэтому «у прочих у кого дать нечего, те сосватавшие оставляют своих невест и уезжают без ничего, потому что он священник за венчание просит великую плату...»⁷. Были случаи, когда причт получал по 20, 30 или 50 белок «по собственному нашему [остяков] желанию». Однако обычная оплата за венчание составляла в Берёзовском уезде в 1770-е гг. 5 белок [5, 409–410, 423].

В другом деле, касающемся венчания в январе 1814 г. настоятелем белогорской Троицкой церкви А. Протопоповым остяка Лыгысова, указано, что священник просил за совершение обряда 5 руб., но получил один рубль деньгами и халат набойчатый стоимостью 7 руб. (сам

священник оценил халат в 4 руб.) в залог. Так как халат не был выкуплен, священник его передал остяку, «чтоб он доставил за тот халат азиатскую малицу»⁸.

Пушшиной же собирались пожертвования. В частности, в 1823 г. в ходе сбора «на искупление пленных греков» от причта Сосвинской церкви поступило 24 «худых» белки, на что последовал «выговор» благочинного Н. Вергунова [11, 241].

Получаемая духовенством пушнина сдавалась тобольским, сургутским, нарымским купцам в обмен на муку или продавалась за деньги. Так, в 1805 г. дьячок и пономарь ларьякской Знаменской церкви выручили «вместо руги» у прихожан «за молитву, крещение и прочие разные по духовенству требы» 5700 белок и ещё 2000 получил священник⁹. (Скорее всего, речь шла о поступлениях за несколько лет).

Со второй трети XIX в. упоминания в источниках о занятиях духовенства торговлей уменьшаются. Вероятно, определённую роль в этом сыграли открытие ярмарок, развитие паровозного сообщения, рост значения для регулярного снабжения коренного населения продовольствием хлебозапасных магазинов, вовлечение региона в рыночные связи с югом Сибири в целом. Имевшие место случаи, как и ранее, осуждались церковными и светскими властями, о чём можно найти сведения в «отношении» Тобольского Гражданского губернатора от 21 февраля 1863 г., который при обозрении Берёзовского края заметил, что «духовенство вынуждено прибегать к разным поборам с остяков, как на свои, так и на церковные надобности... особенно значительные поборы выявлены от священников Сургутского отделения, находящихся в селении Селияровском, Локосовском, В[ерхне]-Лумпокольском, Ларьякском...»¹⁰.

Поступления постепенно утрачивают натуральный характер. Так, в отчёте за 1889 г. ларьякский священник Николай Силин писал: «Беличьих шкур в церковь приносится столько, что об них и говорить не стоит. Может быть они и приносились, но не ныне, а в былое время»¹¹. Об использовании наличных денег прихожанами –

⁷ ГА. Ф. И-156. Оп. 4. Д. 1206. Л. 1а об–2.

⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 100. Д. 589. Л. 8–8 об.

⁹ ГА. Ф. И-156. Оп. 8. Д. 1724. Л. 2.

¹⁰ ГА. Ф. И-706. Оп. 1. Д. 23. Л. 135.

¹¹ ГА. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 1523. Л. 78.

остяками для приобретения свеч, оплаты треб, взносов говорится и в рапорте настоятелей ваховской Богоявленской, ниже-лумпокольской Богородице-Рождественской церковей за тот же период¹².

Различного рода натуральные, а позднее денежные сборы на церковные нужды не могли не сказываться на материальном положении коренного населения. Кроме того, имели место случаи и прямой эксплуатации православным духовенством «инородцев», впрочем, не являвшиеся массовыми.

В конце 1780-х гг. в сургутский Нижний земский суд было подано «доношение» «от ясашных живущих по реке Ваху, сотника Ивана Муколчина с товарищи» с жалобой на священника ларьякской Знаменской церкви Я. Кайдалова. В документе сообщалось: «...Так каждое лето, когда приспест сенокос, тогда священник пришлёт к ним, ясашным, нарочного из остяков чтоб ехать всем с детьми и женами к церкви для исповеди и святого причастия, и по приезде к церкви вместо исповеди загонит их на луга для ставки сена и оные оставляют свои юрты без всякого призрения. В которое время в их месте бывают рыбные промыслы, в которое самое промышленное время они им священником Кайдаловым удержаны бывают на его сенокосной работе долговременно. От чего в промысле в пищу себе рыбы в зимнее время... как сами так жены и дети их претерпевают немалую нужду»¹³.

Ещё один пример связан с деятельностью известного юганского священника И. Я. Тверитина (1806 – после 1885 гг.), считающегося одним из пионеров сельскохозяйственного освоения Тобольского Севера. При всём уважении к заслугам настоятеля юганской Богоявленской церкви, полевыми работами занимался не только он лично. Вот как об этом вспоминал один из односельчан: «В то время священник здесь был словно князь в княжестве: что захочет, то и делает. Весною он собирал остяков, и они под его руководством по несколько недель бесплатно обрабатывали поле; в жатву – то же самое; осенью – опять работа. И так в продолжении нескольких лет. Народ начал роптать. Было донесено по начальству – хлебопашец-пастырь получил такую головомойку, что чуть ли не совсем забросил хлебопашество» [3, 146].

Взаимодействие причта с прихожанами при решении хозяйственных вопросов связано и с назначением церковных старост. В «инородческих» приходах у духовенства не было другого выхода, кроме как рекомендовать на эти должности представителей коренного населения. Сам порядок назначения и характер исполняемых старостами обязанностей требовал от последних знания денежного счёта, умения заполнять приходно-расходные книги и другую документацию. Каждый раз новый староста приводился к присяге, после чего принимал по описи денежную казну и церковное имущество. Казалось бы, в этом заключался удобный инструмент приобщения «инородческой» элиты к азам финансовой грамотности. Однако его правильному применению мешала позиция духовенства, а также, вероятно, и нежелание самих зажиточных остяков и вогулов обременять себя дополнительными обязанностями. Вот как об этом в 1856 г. сообщалось в записке на имя преосвященного Тобольского и Сибирского, составленной по распоряжению губернатора В. А. Арцимовича: «Выбор инородцев в церковные старосты часть из видов корысти и происходит следующим образом: когда инородцы соберутся в церковь, то священник или пономарь объявляет, что нужно избрать нового старосту. Вместе с тем... сам назначает на ту должность такого зажиточного инородца, который живёт от церкви на далеком расстоянии, иногда до одной до 500 верст. Инородцы, не имея никакого понятия о выборах, к исписанному на не понятном для них языке листу бумаги прикладывают свои тамги, заверяющие надпись, и составленный таким образом приговор представляется на утверждение в духовную консисторию. Новый церковный староста, незнающий не только счёта в деньгах, потому что все инородцы большею частью занимаются меною товара на товар, а долги считают по нарезкам на кусочке дерева и ни одного русского слова, принужден оставить промысел, семейство и хозяйство и ехать в приход для постоянного там нахождения до тех пор, пока не откупится у приходского духовенства от исполнения трудной для него обязанности»¹⁴.

¹² ГА. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 1523. Л. 67.

¹³ ГА. Ф. И-156. Оп. 4. Д. 1206. Л. 1а–1а об.

¹⁴ ГА. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 1. Л. 106–106 об.

Однако не следует сводить отношения приходского духовенства и новокрещённых лишь к примитивной эксплуатации последних. Когда в 1793 г. случился «великой глад по неулову рыбы», ларьякский священник Яков Кайдалов снабжал остяков хлебом и олениной. Тот же И. Я. Тверитин в голодные годы продавал прихожанам скопившиеся у него запасы хлеба по цене вдвое ниже рыночной, а затем и вовсе раздавал выращенное им зерно бесплатно. «Из этой ржи инородцы, как и из муки, готовили для себя пищу кашу, по слову их называемую “бурдук”, единственную пищу употребляемую ими во всякое время голода», – указывалось в переписке генерал-губернатора Западной Сибири Г. Х. Гасфорта¹⁵. Как отмечал А. И. Сулоцкий, часто в поездках благочинный П. А. Фелицын, «проникаясь жалостью» к осякам и вогулам о том, что в зимнее время они «голодуют», «взятый из дому запас съестного раздавал им иногда до последнего куса, а сам после этого питался по несколько дней одной рыбой (ершами и окунями), которую вогулы ловили для него саками в прорубях реки Конды» [12, 354]. Сами коренные жители нередко добровольно шли на встречу пожеланиям причта, просившего выделить ресурсы для ремонта храмовых зданий. Так, для сбора необходимой денежной суммы с целью перестройки ваховской Богоявленской церкви Сургутского уезда в начале XX в. решением прихожан-остяков был выделен рыболовный песок. Промысловый участок сдавался в аренду, доходы шли строительному комитету¹⁶.

Необходимо указать и на нереализованные проекты вовлечения обских угров в новые виды хозяйственной деятельности. В конце 1840-х гг. архиепископ Тобольский и Сибирский Георгий (Ящуржинский) обратился к тобольскому губернатору с предложением об обучении «молодых остяков мастерствам при постройке своей церкви»¹⁷. В перспективе предполагалось, что, приобретая ремесленные навыки, они смогут «быть для себя домостроителями, и женись на русских девицах, заведут посредством жен своих домоводство, как ухаживать за коровами ибо они

любят лакомиться молоком и маслом, и не умея сего делать, покупают у русских, через что разоряются»¹⁸. Эта попытка не увенчалась успехом, т. к. предварительным условием привлечения коренного населения к обучению являлось освоение потенциальных мастеров от хлебных недоимок, что не устраивало светские власти.

О другой инициативе свидетельствует журнал Совета Главного управления Западной Сибири «по предположениям о постепенном введении образования между сибирскими инородцами и распространения между ними хотя бы некоторой гражданственности», переданный в 1856 г. Министерством государственных имуществ «на рассмотрение духовного ведомства»¹⁹. Священно- и церковнослужителям предлагалось участвовать в обучении коренных жителей различным полезным ремеслам, помогать в заведении пашен и огородов, в оказании медицинской помощи и распространении медицинских знаний и т. п. Намечалось также создание очагов оседлости, вокруг которых могли бы группироваться «инородцы», что виделось неременным условием для их приобщения к цивилизованной жизни.

Данный проект не был реализован из-за больших финансовых затрат, и, главное, отсутствия соответствующей подготовки у самих священно- и церковнослужителей. Тем не менее, очевидно стремление с помощью духовенства приобщить «инородцев» к традициям более «высокой» русской культуры.

Более удачной следует признать попытку организации рыболовной артели из детей остяков и самоедов летом 1899 г. при Обдорском пансионе. Работа в артели должна была восполнить «недостаток необходимых по местным условиям практических начал, дающих повод и возможность удерживать учеников пансиона все время прохождения ими курса школы» [9, 27]. С инициативой организации артели выступил миссионер священник Иоанн Егоров. Для лова рыбы арендуется песок в 150 верстах от Обдорска, на котором был выстроен летний дом, кухня, сарай. В свободное от работы время ученики

¹⁵ ГА. Ф. И-152. Оп. 39. Д. 74. Л. 26.

¹⁶ ГА. Ф. И-156. Оп. 18. Д. 27. Л. 1, 23, 30.

¹⁷ ГА. Ф. И-156. Оп. 31. Д. 101. Л. 3.

¹⁸ ГА. Ф. И-156. Оп. 31. Д. 101. Л. 3 об.

¹⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 146. Д. 731. Л. 2.

под руководством И. Егорова повторяли пройденный в течение учебного года материал. На следующий год школа пополнилась пятью новыми учениками из числа коренных жителей, родители которых поставили условие, что их дети обязательно должны обучаться навыкам рыбного промысла. Но, в конечном счёте, трудовое обучение и воспитание здесь не прижилось. Главными препятствиями служили отсутствие средств и людей, способных взять на себя организацию этого непростого дела.

Обсуждение и заключение

Подводя итог, необходимо указать, что приходское духовенство способствовало вовлечению обских угров в товарно-денежные отношения, интенсификации промысловой деятельности, связанной с необходимостью обеспечения церковных нужд. В то же время, влияние право-

славного духовенства в вопросах, напрямую не относящихся к их основной деятельности, было преимущественно не прямым, а косвенным.

Эволюция хозяйственных отношений между причтом и прихожанами – «иногородцами» состояла в переходе от эксплуатации в основном за счёт неэквивалентной торговли и различных натуральных и денежных сборов к стремлению использовать потенциал Русской православной церкви для распространения среди «отсталых», как тогда считалось, народов Тобольского Севера русской культуры, в том числе, и новых хозяйственных занятий. Однако эти попытки были робкими и непоследовательными, не доводились до логического конца. Можно указать и на неготовность самого православного духовенства к такой миссии, а зачастую и нежелание использовать имеющиеся в его распоряжении рычаги для изменения жизни подчиненной ему паствы.

Список источников и литературы

1. Анисимкова М. К., Кузьмина А. С. На священных берегах Ваха: (историко-этнографический трактат). Нижневартовск: Приобье, 1999. 160 с.
2. Беспокойный А. В. Христианизация этнографических групп манси и православное миссионерство (конец XIX – начало XX в.) // Вестник угроведения. 2013. № 2 (12). С. 94–103.
3. Дмитриев-Садовников Г. М. Версты и строки / ред.-сост. В. К. Белобородов. Екатеринбург: Средне-Уральское кн. изд-во, 1998. 224 с.
4. Древний город на Оби: История Сургута / Н. Баранов, В. Морозов, Н. Попов, А. Шашков, Н. Миненко, С. Горков, Д. Бугров, Е. Главацкая, Д. Редин, Ю. Чемякин. Екатеринбург: Тезис, 1994. 325 с.
5. Книжные сокровища Югры: Рукописные и старопечатные книги из собраний города Ханты-Мансийска / сост. С. А. Белобородов, Н. А. Мудрова, А. В. Полетаев, Е. А. Полетаева и др. Екатеринбург: Волот, 2003. 496 с.
6. Конев А. Ю., Поплавский Р. О. Дар в политике и практике христианизации сибирских «иноверцев» (по материалам Западной Сибири конца XVI–XVIII в.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 4(43). С. 165–174. DOI: 10.20874/2071-0437-2018-43-4-165-174.
7. Мавлютова Г. Ш. Миссионерская деятельность Русской Православной церкви в Западной Сибири (XIX – начало XX века). Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2001. 264 с.
8. Огрызко И. И. Христианизация народов Тобольского севера в XVIII в. Л.: Учпедгиз, Ленингр. отделение, 1941. 148 с.
9. Отчет Тобольского Епархиального Комитета высочайше утвержденного Православного Миссионерского общества за 1899 г. Тобольск: [б. и.], 1900. 53 с.
10. Побережников И. В. Север Западной Сибири в контексте Российской модернизации XIX – начала XX века // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2013. Вып. 3 (23). С. 44–52.
11. Православные приходы Березовского края в XIX – начале XX века (материалы по истории местных сообществ Азиатской России) / сост., вступ. ст. и коммент. С. В. Турова. Тюмень: Вектор Бук, 2004. 461 с.
12. Сулоцкий А. И. Протоиерей Петр Андреевич Фелицын // Тобольские епархиальные ведомости. 1883. № 17. Отдел неофиц. С. 352–362.
13. Цысь В. В. Сельское храмовое строительство на Тобольском Севере в XVIII — начале XX веков // Научный диалог. 2019. № 4. С. 342–358. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-4-342-358
14. Цысь В. В., Цысь О. П. The Struggle of the Russian Orthodox Church and Secular Authorities against the Pagan “Remnants” of The Peoples of the Tobolsk North in the XVIII–XIX centuries // Былые годы. Российский исторический журнал. 2019. Т. 2. № 52. С. 533–541. DOI: 10.13187/bg.2019.2.533
15. Цысь О. П. О направлениях взаимодействия православного духовенства, светской власти и общества на Тобольском Севере в XIX – начале XX века // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2019. Т. 29. № 4. С. 603–613. DOI: 10.35634/2412-9534-2019-29-4-603-613

16. Шемановский И. С. Хронологический обзор достопамятных событий в Березовском крае Тобольской губернии (1032–1910 гг.) // Избранные труды. М.: Советский спорт, 2011. Т. 1. С. 107–290.
17. Chulos C. J. *Converging Words: Religion and Community in Peasant Russia, 1861–1917*. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2003. 201 p.
18. Collins D. N. Culture, Christianity and the northern peoples of Canada and Siberia // *Religion, State and Society*. 1997. Vol. 25. №. 4. Pp. 381–392.
19. Forsyth J.A. *History of the peoples of Siberia. Russia's north Asian colony 1581–1990*. Cambridge: University Press, 1992. 455 p.
20. Freeze G. L. *The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform*. Princeton: Princeton University Press, 1983. 507 p.
21. Friesen A. Building an orthodox empire: archpriest Ioann Vostorgov and Russian missionary aspirations // *Canadian Slavonic Papers*. 2015. Vol. 57. № 1–2. Pp. 56–75.
22. Tsys V. Barter Trade in North Western Siberia in the Late of 19th - Early 20th Centuries // *Bylye Gody*. 2015. Vol. 37. № 3. Pp. 595–601.

References

1. Anisimkova M. K., Kuzmina A. S. *Na syvashennykh beregah Vaha: (istoriko-jetnograficheskij traktat)* [On the sacred banks of the Vakh: (historical and ethnographic tractate)]. Nizhnevartovsk: Priob'e Publ., 1999. 160 p. (In Russian)
2. Bespokoyny A. V. *Hristianizacija jetnograficheskikh grupp mansi i pravoslavnoe missionerstvo (konec XIX – nachalo XX v.)* [Christianization of ethnographical groups of the Mansi people and Orthodox missionary work (the end of XIX – beginning of XX centuries)]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2013, no. 3 (2), pp. 94–103. (In Russian)
3. Dmitriev-Sadovnikov G. M. *Versty i stroki* [Versts and lines]. Ed. and comp. by V. K. Beloborodov. Yekaterinburg: Sredne-Ural'skoe kn. izd-vo Publ., 1998. 224 p. (In Russian)
4. *Drevnij gorod na Obi: Istorija Surguta* [The ancient city on the Ob River: History of Surgut]. N. Baranov, V. Morozov, N. Popov, A. Shashkov, N. Minenko, S. Gorkov, D. Bugrov, Ye. Glavatskaya, D. Redin, Yu. Chemyakin. Yekaterinburg: Tezis Publ., 1994. 325 p. (In Russian)
5. *Knizhnye sokrovishha Jugry: Rukopisnye i staropechatnye knigi iz sobranij goroda Hanty-Mansijska* [Book treasures of Yugra: Handwritten and early printed books from the collections of Khanty-Mansiysk]. Comp. by S. A. Beloborodov, N. A. Mudrova, A. V. Poletaev, E. A. Poletaeva and oth. Yekaterinburg: Volot Publ., 2003. 496 p. (In Russian)
6. Konev A. Yu., Poplavskiy R. O. *Dar v politike i praktike hristianizatsii sibirskih «inovercev» (po materialam Zapadnoj Sibiri konca XVI–XVIII v.)* [Gift in the policy and practice of Christianization of Siberian adherents of a different faith (on materials of Western Siberia of the end of the XVI–XVIII centuries)]. *Vestnik arheologii, antropologii i jetnografii* [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography], 2018, no. 4 (43), pp. 165–174. (In Russian)
7. Mavlyutova G. Sh. *Missionerskaia deiatel'nost' Russkoi Pravoslavnoi tserkvi v Zapadnoi Sibiri (XIX – nachalo XX veka)* [Missionary activity of the Russian Orthodox Church in Western Siberia (XIX – early XX centuries)]. Tyumen: Izd-vo Tiumen. gos. un-ta Publ., 2001. 264 p. (In Russian)
8. Ogryzko I. I. *Khristianizatsiia narodov Tobol'skogo severa v 18 v.* [Christianization of peoples of the Tobolsk North in the 18th century]. Leningrad: Uchpedgiz, Leningr. otd-nie Publ., 1941. 148 p. (In Russian)
9. *Otchet Tobol'skogo Eparhial'nogo Komiteta vysochajshe utverzhdennogo Pravoslavnogo Missionerskogo obshchestva za 1899 g.* [Report of the Tobolsk Diocesan Committee by Orthodox Missionary Society for 1899]. Tobolsk: [w/p], 1900. 53 p. (In Russian)
10. Poberezhnikov I. V. *Sever Zapadnoi Sibiri v kontekste Rossiiskoi modernizatsii 19 – nachala 20 veka* [North of Western Siberia in the context of Russian modernization of the 19 – early 20th centuries]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya «Istorii»* [Perm University Bulletin. Series «History»], 2013, no. 3 (23), pp. 44–52. (In Russian)
11. *Pravoslavnye prihody Berezovskogo kraja v XIX – nachale XX veka (materialy po istorii mestnykh soobshchestv Aziatskoj Rossii)* [Orthodox parishes of the Beryozovsky region in the XIX – early XX centuries (materials on the history of local communities of Asian Russia)]. Comp. by S. V. Turova. Tyumen: Vektor Buk Publ., 2004. 461 p. (In Russian)
12. Sulotskiy A. I. *Protoierej Petr Andreevich Felitsyn* [Archpriest Peter Andreevich Felitsyn]. *Tobol'skie eparhial'nye vedomosti* [Tobolsk Diocesan News], 1883, no. 17, pp. 352–362. (In Russian)
13. Tsys V. V. *Sel'skoe hramovoe stroitel'stvo na Tobol'skom Severe v XVIII – nachale XX vekov* [Rural temple construction in the Tobolsk North in XVIII – early XX centuries]. *Nauchnyj dialog* [Scientific dialogue], 2019, no. 4, pp. 342–358. (In Russian)
14. Tsys V. V., Tsys O. P. *The Struggle of the Russian Orthodox Church and Secular Authorities against the Pagan «Remnants» of The Peoples of the Tobolsk North in the XVIII–XIX centuries*. *Bylye gody. Rossiiskii istoricheskii zhurnal* [Past years. Russian historical journal], 2019, no. 2 (52), pp. 533–541. (In Russian)
15. Tsys O. P. *O napravleniyakh vzaimodejstviya pravoslavnogo duhovenstva, svetskoj vlasti i obshchestva na Tobol'skom Severe v XIX – nachale XX veka* [About directions of interaction between the Orthodox clergy, secular authorities and society in the Tobolsk North in the XIX – early XX centuries]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Istorija i filologiya»* [Bulletin of the Udmurt University. Series «History and Philology»], 2019, no. 29 (4), pp. 603–613. (In Russian)

16. Shemanovskiy I. S. *Hronologicheskij obzor dostopamyatnyh sobytij v Berezovskom krae Tobol'skoj gubernii (1032–1910 gg.)* [Chronological overview of memorable events in Beryozovsky region of the Tobolsk Guberny (1032–1910)]. *Izbrannye trudy: V 2 t.* [Selected works: In 2 vol.]. Moscow: Sovetskii sport Publ., 2011. Vol. 1. pp. 107–290. (In Russian)
17. Chulos C. J. *Converging Words: Religion and Community in Peasant Russia, 1861–1917*. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2003. 201 p. (In English)
18. Collins D. N. Culture, Christianity and the northern peoples of Canada and Siberia. *Religion, State and Society*, 1997, no. 25 (4), pp. 381–392. (In English)
19. Forsyth J. A. *History of the peoples of Siberia. Russia's north Asian colony 1581–1990*. Cambridge: University Press, 1992. 455 p. (In English)
20. Freeze G. L. *The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform*. Princeton: Princeton University Press, 1983. 507 p. (In English)
21. Friesen A. Building an orthodox empire: archpriest Ioann Vostorgov and Russian missionary aspirations. *Canadian Slavonic Papers*, 2015, no. 57 (1–2), pp. 56–75. (In English)
22. Tsys V. Barter Trade in North Western Siberia in the Late of 19th - Early 20th Centuries. *Bylye Gody*, 2015, no. 37 (3), pp. 595–601. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Цысь Валерий Валентинович, профессор кафедры истории России, Нижневартковский государственный университет (628602, Российская Федерация, ХМАО-Югра, г. Нижневартовск, ул. Ленина, д. 56), доктор исторических наук.

tsysv@rambler.ru

ORCID ID: 0000-0001-6853-0153

ABOUT THE AUTHOR

Tsys Valeriy Valentinovich, Professor of the Department of Russian History, Nizhnevartovsk State University (628602, Russian Federation, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, Nizhnevartovsk, Lenina st., 56), Doctor of Historical Sciences.

tsysv@rambler.ru

ORCID ID: 0000-0001-6853-0153